

Виктор Шириали

Всю комнату: и печь, и стол,
Он достигал, постигнув, падал
И вновь через веранду шел,
Бегал из стынущего сада,
Как могильек, лежел на свет,
Вдруг, застывая на пороге,
Шептал, что выше счастья нет,
Чем дачный наш уют убогий.

Джазовая композиция

I

Начнем мелодию в зевотной тишине
Где зевы
Сквозь ладонь
Простечиваают ало
И так начнем
Закружит в вышине
Мелодия
Как птичий крик корява
Черна
Словно воронее крыло
Когда они сбиваются над полем
II жрут
Колосьев срезанных зерно
Глаза свои мы в этих зернах помним

II

У саксофониста застыли пальцы
Он греет их под мышки яложив
Они белы как мел пиджак ему испачкали

III

Греть руки над костром
Прижав к огню ладони
Глядеть в него —
Взгляд медленно утонет
В огне задумчивом
И вокруг слепая ночь
Как крышка залынского рояля
Куда мы отраженья не роняем

Дай господи и мне такие руки
 Чтоб высекать осколочные звуки
 Как жеребец на клавиши рояля
 Колыта быстрые и легкие роняет
 Дай господи и мне такую волю
 Чтобы предаться радостному полю
 Бежать и все
 И лишь искусство бега
 Оставить за собой подобьем следа

V

Глядеть в костер
 Затем когда погаснет
 Из тлеющих углей выкатывать свой взгляд
 Забыть стихи
 Забыть о контрабасе
 Который так похож на лошадинный вад
 Который высечен огнем нетвердым
 И знать что не один
 Что дале
 В тьме ночной
 Есть круп
 Хребет
 Кобылья морда
 Стекающая травяной слюной

VI

И поутру
 На берегу пруда
 Сойти в него
 Тепло из ног засасывает глина
 Руками развести пух тополиний
 В воде ночной отобразится солнце
 Стократ размножено
 В глазах рябя
 И прозвучит
 Пронзительно и чисто
 И радостно
 Как светлая труба
 В губах губастого
 Как ржанье лошади
 Джазиста!

Этот город горбат
 Но прекрасен
 Но пресен
 Но вкусен
 Я люблю Его больше
 Когда он просторен и пуст
 И сквозной по ночам
 Как последняя черная осень
 Как дождливая осень
 До слез

Я в других как в забавах
 Забвенных
 Заделах пред этим
 Как Россия
 Подготовка и повод к Нему
 Забывала
 Вбивала в болота столетья
 И освабила
 Вышла
 И впала в Него
 По Неве
 Вдоль Невы
 Его ритм
 Размер
 Разобраться
 Как гранитные волны
 К ступеням идут берегам
 Да вдоль Летнего сада
 За решетку вайги
 Показаться
 Поклониться
 Посвятаться
 К мертвым богам.
 Это лето уходит
 Отыграл
 Отглядел
 Отозвался
 Пожелели
 Пожухли
 Облетают
 Кружатся глаза
 Очень низкое солнце

Не ослепит
Теплом отзовется
Петропавловским шпилем
Когда обернешься назад
И посмотришь на Город:
Гомункулос
Гений
Блокадник.

Из мадrigалов

I
Прости мне, милая,
Прости мне, дорогая,
Чуть ли не ставшая
На весь мой бег
Родной.
Прости, что, повстречав тебя,
Узнаю
И поклонюсь.
Что стороной не обойду
Твой дом,
Твоей Земли,
Что погладусь еще
В глаза твой —
Прости меня,
Но что же делать мне,
Если живем мы
На одной земле.

II

Сегодня год, как я не видел Вас,
И горем был потерян
Для счастья знайного,
Но не искал я тени
И воду пил только из Ваших глаз.
Вы плакали — любите Ваши слезы,
Их вызвал я.
И я не дам забыть
Себе,
Что я для Вас,
Как для стихов, был создан

Вам:
Что я любил Вас так,
Как начинают жить,
Так неумело,
что...

И стали дни трудны
И речи заболели
И жизнь мою уже
Не выдюжит свирель
Прости мне каламбур
Но девы Ботничели
Из Босховых яиц
Выводятся теперь,

Любить тебя. Как труден этот труд. Забыть
тебя. Года все перетрут. Все переврут.
Зачем тогда? Забыть? Зачем тогда люблю
тебя? Любил тебя. Любить! А тем? А той
другой, которая сейчас со мной? Как? А ту?
Ату! И ту? Всю перетрут. Все переврут.
Но не умру. Опять. Любить тебя. Люблю тебя.
Любил тебя. Люблю тебя. Любил тебя.
Люблю тебя. Любить!

Романс

Чернеют деревья, глаза мои осенни,
Чернеют деревья, души осенний вид.
Чернеют деревья, дни певчие пропели,
И голубь на карниз осенным днем прибит.

Прости меня, моя весенняя невеста,
Как бы хотелось мне женой тебя назвать.
Но надо ли тебе в душе осенней места,
И стоит ли тебе женою осенней стать?

Прости меня, моя весенняя природа,
Чернеют дерева, в глазах осенний вид,
Дождь длится целый день, деревья входят в воду,
И голубь на карниз осенним днем привит,

Эдуард Шнейдерман

* * *

Как это уже далеко
Надежда
Любовь
Катерина
Еще ведь достанешь рукой
А можно и глазом окинуть

А можно уже не кричать
Рассказывать странно неспешно
Надежда
Любовь
И свеча

Свечи уже нету
Подсвешник.

* * *

Как лютневая музыка в конверте
На полчаса страна иль сторона
Или роман с сестрою в лазарете
Где милосердно помнится вина

Иль это просто осень бесконечна
Под мягкую октябрьской иглой
Погибши за руку
«Да ну Вас!» — так беспечно
И ты подумаешь
И бог с тобой!

Благословенна поздняя свобода
Когда вот-вот наступят холода
И нет времен
Есть только время года
И мятное под сердцем
«Никогда».

Работа скульптора

Л. Добашиной

Они занимают подвалы и полу-,
В которых проходят хорошую школу.
На девичих спинах, на торсах мадонны
Крепче стоит коммунальный дом.

Каморка спимается под мастерскую.
«Ах, где вы хоромину взяли такую?»
— «Я теряя по ЖЭКАМ, я клекил начальство!»
— «Такая удача бывает нечасто!»

Пока вы на службе, читатель, корпите,
Замочена глина в огромном корыте,
Построен каркас. Он радует глаз
Добротностью сцепки. И вот началась

Прокладка. Лопату азартно вонзаешь,
Наваливаешься, ломоть отрезаешь
И шмякаешь на задрожавший каркас
И, накрепко дабы она прижилась,

А после не хрупнула трещинкой-ранкой,
Миешь пальцами и подбиваешь киникой.
Так, за день радиенья, как сдавленный крик,
Искромой фигуры возник черновик.

Не мрамор, не бронзу, — кембрийскую глину,
Тяжелые руки и потную спину
Я воспевало, — ведь скульптор — не бог —
Создатель, — он душу вдохнуть в нее смог.

Но рано ликую, словами играя.
То стеком, то пальцами, в кровь их стирая,
Он мнет и корежит творенье свое.
Терпнье, терпнье! — тут жизнь настает,